

2-2008

Новости развития Дальнего Востока

ВЕСТНИК
ВЕСТНИК
ДФО

Институт демографии, миграции и регионального развития.
ДВИЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово автора ...4

События

- *Путин не считает проект космодрома «Восточный» фантастическим* ...5
- *Выставки «АмурЭкспоФорум» и «АмурАгро» пройдут в сентябре* ...7
- *В Приамурье началось строительство лесоперерабатывающего комбината* ...8
- *В этом году в Приамурье приедут 110 переселенцев* ...9
- *«Рособоронэкспорт» расширит свою деятельность в Амурской области* ...10
- *«Бамстроймеханизация» будет строить космодром «Восточный»* ...11
- *С космодрома Восточный будут запускать корабли нового поколения* ...12

Страницы истории

- *Освоение Дальнего Востока* ...13

Соседи Дальнего Востока

- *Китай отправит экспедицию на Марс в 2009 году* ...23
- *На юге Китая появится новый центр по запуску космических спутников* ...24
- *Китай будет строить в Антарктиде третью научно-исследовательскую станцию* ...25
- *Двадцать мифов о Японии* ...26

ДВИЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ и ДФО

Освоение Дальнего Востока

Расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией, это был еще и сложный процесс превращения Сибири и Дальнего Востока в Россию. С установлением новых государственных границ имперская политика не завершается, а только начинается, переходя в фазу длительного процесса интеграции новых территорий и народов в общеимперское пространство. Военная наука, в рамках которой в основном и формируется российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения», предусматривавшую активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военно-мобилизационных задач. Прежде всего, это было связано с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения, или, как в случае с Приамурьем и Приморьем, с территориями которым угрожала демографическая и экономическая экспансия извне. Существовало осознанное беспокойство по поводу культурного воздействия на российское население на Дальнем Востоке со стороны китайцев, корейцев, японцев, монголов, и даже якутов и бурят, которые воспринимались в качестве конкурентов российскому имперскому колониационному проекту. Внимание имперских политиков и идеологов в условиях изменившегося характера войн, которые перестали быть династическими или колониальными, превратившись в национальные, устремляется на географию «племенного состава» империи. Народы империи начинают разделяться по степени благонадежности, принцип имперской верноподданности этнических элит стремились дополнить чувством национального долга и общероссийского патриотизма. Считалось необходимым разредить население национальных окраин «русским элементом», минимизировать превентивными мерами инациональную угрозу как внутри, так и извне империи.

Однако российские политики ясно сознавали, что не все имперские окраины одинаково податливы обрусительной политике, что существуют объективные препятствия для социокультурной и конфессиональной ассимиляции. Для

укрепления имперских земель необходимо помимо решения военных и административных задач создать необходимую критическую массу русского населения, которое и станет демографической опорой государственной целостности. Русское население на окраинах становилось проводником и заложником имперской политики.

Таким образом, важнейшую роль в российском империостроительстве должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Это была сознательная политическая установка. Председатель Комитета министров Н. Х. Бунге в своем политическом завещании в 1895 г. указывал на русскую колонизацию как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надежным только в том случае, если это привлеченное коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, место того, чтобы туда принести свое». В брошюре вел. кн. Александра Михайловича, посвященной усилению русского флота на Тихом океане (1896 г.), отмечалась помимо прочего отличие российской колонизации от западноевропейской. Европейские колонисты, переезжая в Америку, Австралию или Африку, по его словам, теряют связь со своей родиной, образуют новые государства, тогда как наши переселенцы на имперских окраинах остаются «теми же сынами одного Самодержавного Царя», укрепляя российское владычество в Азии. И эта установка в известной мере соответствовала российской исторической традиции. В российской имперской политике господствовал стереотип, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря. М. К. Любавский в «Обзоре истории русской колонизации» определял прочность вхождения той или иной территории в состав Российского государства в соответствии с успехами русской колонизации, и, прежде всего, крестьянской. Существовала своего рода народная санкция имперской экспансии, которая оправдывалась приращением пахотной земли с последующим заселением ее русскими.

Успех переселенческой политики в Сибири объясняется тем, что она опиралась на традиции вольно-народной колонизации, а правительство осуществляло свои планы, опираясь на стихийное народное движение. Так называемая вольнонародная колонизационная модель в XIX в. окончательно попадает под контроль государства, которое видит свою задачу в Азиатской России либо в сдерживании крестьянского стремления на восток, либо в подчинении его задачам имперского закрепления новых территорий, или решения политически опасных проблем аграрного перенаселения в центре страны. Закрепиться на естественных рубежах (в казахских степях, на левом берегу Амура, на побережье Тихого океана), создать в стратегически важных пунктах военные укрепления, обозначив новый участок имперского

периметра сетью казачьих станиц, связанных между собой непрерывной линией. Помимо использования казачества, традиционным была и принудительная целенаправленная, подчиненная военно-политическим целям, колонизация, в том числе и штрафная.

Крестьянская колонизация сознательно воспринималась как необходимое дополнение военной экспансии. Имперские власти стремились «параллельно с военной службой, организовать переселенческую службу. Вслед за военным занятием страны, — отмечал известный имперский публицист Ф. М. Уманец, — должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами и точно также как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца». Уманец ставит рядом в решении этой исторической миссии России — меч и плуг.

Но в этом была заложена и своего рода геополитическая сверхзадача. П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал об изменении в результате русской колонизации этнографической границы между Европой и Азией путем ее смещения все дальше на восток. На рубеже XIX–XX вв. министр финансов С. Ю. Витте также указывал на изменение геополитического пространства империи, отмечая значение «великой колонизаторской способности русского народа». Именно русский крестьянин-переселенец, по мнению Витте, призван изменить цивилизационные границы империи: «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал — в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги». Это позволило бы прекратить «такое уродливое и неестественное явление, как эмиграция в Бразилию и другие южно-американские страны». С колонизацией Сибири Витте связывал не только экономические, но и политические задачи. Русское население Сибири и Дальнего Востока должно стать оплотом в «неминуемой борьбе с желтой расой». Именно это население даст силы и средства для защиты «интересов империи». В противном случае, предупреждал он, «вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины». Схожие мотивы колонизации Дальнего Востока можно видеть и в рассуждениях военного министра А. Н. Куропаткина, которого пугал наплыв китайцев в Приамурский край и Восточную Сибирь, что может привести к их мирному захвату нерусским элементом в то время, когда мы должны охранять каждую десятину для русских. «Необходимо помнить, — писал он в 1900 г., — что в 2000 году население России достигнет почти 400 мил. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры». В начале XX в. (особенно после русско-японской войны) первоочередной

политической задачей дальневосточной политики стал политический лозунг: «Дальний Восток должен быть русским и только для русских».

Таким образом, вольно или невольно, крестьянская колонизация становилась важным компонентом имперской политики, а крестьянин самым эффективным проводником имперской политики. По замыслу российских имперских политиков, именно крестьяне и должны создать скрепляющие конструкции имперского пространства. Так, освободив ссыльных и каторжных и направив их в Приамурский край, Н. Н. Муравьев-Амурский напутствовал: «С богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем...».

В российской колонизационной модели строительство империи считалось тождественным процессу поглощения Россией восточных окраин. Россия как бы росла за счет новых земель. Как заметил Д. Ливен: «Русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где собственно, заканчивается Россия и начинается империя?». Для англичанина ответ на этот вопрос был очевиден, как только он садился на корабль и отплывал от берегов Туманного Альбиона. Но в этом заключалась не только географическая предопределенность отличия континентальной империи от заокеанских колоний европейских держав, но и сознательная установка, исторически переросла из «собирания русских земель» в строительство империи. П. Н. Милоков в этой связи замечал: «Последний продукт колонизационного усилия России — ее первая колония — Сибирь стоит на границе того и другого». Но этот процесс в XVII в. только начался, имея перспективу сделать Сибирь не только окраиной империи, но и неотъемлемой частью России.

Территориально-протяженные империи, к которым, по определению Рональда Суни, относилась и Российская империя, не имели четких внутренних границ внутри имперского пространства. Так, основатель Российско-Американской компании купец г. И. Шелихов, заботился не только о коммерческом интересе, но и расширении российской территории, как он сам замечал в 1794 г. по поводу переселения крестьян на один из Курильских островов, «ибо там было и есть мое намерение завести помаленьку Русь». Не случайно это находило инстинктивное понимание даже у ссыльных, которые с гордостью заявляли генерал-губернатору: «Нерадостная судьба наша заставляет позабыть свою родину, свое происхождение и поселиться на краю света, среди непроходимых лесов. Бог помог нам. В короткое время построили дома, очистили долину под поля и луга, развели скот, воздвигли храм, и, вы сами теперь видите, здесь Русью пахнет». Ф. Ф. Вигель, сопровождавший в 1805 г. графа Ю. А. Головкина в Китай, писал, о «матушке-России» и ее «дочери» Сибири, которая понадобится России только в отдаленном будущем, как огромный запас

земли для быстро растущего русского населения. И по мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти. Историк Сибири и известный сибирский просветитель П. А. Словцов рассматривал Сибирь, «как часть России» передвинувшейся за Урал и получившей с конца XIX в. название Азиатская Россия.

Современный исследователь Л. Е. Горизонтов видит в этом перспективу «двойного расширения» Российской империи: за счет внешнего территориального роста империи в целом, который дополнялся параллельным ростом «имперского ядра» за счет примыкающих к нему окраин. Российский имперский проект, предусматривая постепенное поглощение имперским ядром (прежде всего за счет крестьянской колонизации и развития коммуникаций) Сибири и Дальнего Востока, выдвигал на первый план не экономические (экономический эффект ожидали лишь в отдаленном будущем), а политические задачи. Это был сложный и длительный процесс превращения сибирских и дальневосточных территорий в Россию, процесс, в котором сочетались тенденции империостроительства и нациостроительства, волевое соединение нации с династической империей. «Русификация» разнородного населения царских владений, — отмечает Б. Андерсон, — представляла собой, таким образом, насильственное, сознательное сваривание двух противоположных политических порядков, один из которых был древним, а другой — совершенно новым».

Это должно было придать империи большую стабильность, придать российскому имперскому строительству важный внутренний импульс и обеспечить империи национальную перспективу. Не только в великорусских, но в малороссийских и белорусских губерниях выделялся стратегический резерв расширения имперского ядра на запад и юго-запад, в Сибирь и на Дальний Восток, где украинцы и белорусы вместе с великороссами могли бы успешно строить «большую русскую нацию». Переселенцы закрепляли историческую память о прежней родине в сохранившихся чертах перенесенной с запада империи культуры и в тысячах названий географических объектов (черниговки, новокиевки, полтавки и т.п.). Оторванные от привычной социокультурной среды, оказавшись в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденные существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой Востока (непривычной и привлекательной), они обостренно ощутили свою русскость, очищенную от местных особенностей, столь стойко сохраняемых на их бывшей родине. Все это создавало более благоприятные, чем в Европейской России, на Украине и в Белоруссии, условия для успеха проекта «большой русской нации», в котором бы преобладали не этнические черты, а идея общеимперской гражданственности. Местные власти готовы были включить в процесс обрусения азиатских окраин и западных славян, на что указывают проекты

переселения на Дальний Восток чехов. Примечательна панславистская аргументация, с которой обратился Муравьев-Амурский в этой связи к Николаю I: «Славяне понимают Россию как родную им землю; они соединят свою пользу с пользою русского населения. Передадут свои познания в усовершенствованном хозяйстве, будут преданы общему благу нового их отечества. Славяне переселяются в другие страны, но везде они, подавляемые чуждыми элементами, привыкают с трудом, — в России же должно быть напротив».

Славянское население Сибири и Дальнего Востока было сложным не только по этническому (великороссы, украинцы, белорусы), по конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты), по сословному (крестьяне, казаки, ссыльнопоселенцы, отставные солдаты и моряки), но и региональным характеристикам мест выселения.

Местная администрация оказывалась на слабозаселенной окраине в сложных условиях при выборе желаемого колонизационного элемента. Под давлением военных и хозяйственных колонизационных задач она вынуждена была отодвигать на второй план, впрочем, всегда сознаваемую, государственную задачу поддержки и распространения православия. С православным миссионерством, как культуuroобразующим компонентом русского нациостроительства в Сибири и на Дальнем Востоке успешно конкурировала установка расширительного толкования русскости. Самодержавие не могло не учитывать высокую степень устойчивости русских крестьян старообрядцев и духовоборов к ассимиляции в иноэтнической среде, сохранению ими русскости при отдаленности от русских культурных центров. Несмотря на то, что старообрядцы в результате многоэтапной миграции на Дальний Восток испытывали этнокультурное влияние со стороны украинцев, поляков, белорусов, бурят, коми (зырян и пермяков), обских угров (ханты и манси) и других народов, именно они лучше всего сохранили традиционную культуру русских. Это обстоятельство не могло быть не замечено местными властями, которые, проявляя большую, нежели в центре страны, религиозную толерантность, активно использовали старообрядцев в колонизационном закреплении сибирских и дальневосточных территорий за империей.

Сохранявшиеся региональные этнокультурные различия, частые межэтнические браки, этнокультурные контакты и хозяйственное взаимодействие, тесное соприкосновение с конфессиональной и социокультурной инославянской средой подталкивали славянские народы к консолидации на основе русской нации и не способствовали оформлению на Дальнем Востоке четко выраженных украинского или белорусского национальных анклавов. Местная администрация, по крайней мере, до начала XX в. не случайно три славянских народа нередко обозначала одним

термином — русские. Не случайно приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, попирая все этнические представления, писал, что переселенцы для дальневосточных областей выбирались в основном из Малороссии и «ими предполагалось создать на месте стойкий кадр русских землепашцев, как оплот против распространения желтой расы». Хотя некоторые опасения украинизации российского Дальнего Востока видимо существовали. А. П. Георгиевский писал: «Если поставить вопрос, какая из трех традиций — украинской, великорусской и белорусской является наиболее сильной и устойчивой в Приморье, то на этот вопрос трудно определенно ответить». Сам же он отмечал, что великорусское культурное влияние здесь менее заметно, нежели украинское. Но, как отмечает Ю. В. Аргудяева, в Приморье и Приамурье исторически предопределенно «шел процесс слияния русских (кроме старообрядцев), украинцев и белорусов и формирование некоего субстрата культуры, с превалированием русскоязычного населения. В Приморье с 1858 по 1914 г. прибыло 22122 крестьянских семьи, из них 69,95 % были выходцы из Украины. В Южно-Уссурийском крае этот процент достигал 81,26 % крестьян-переселенцев, тогда как русские составляли 8,32 %, а белорусы — 6,8 %. Современная же ситуация прямо противоположная: русские составляют 86,8 % от числа жителей Приморья, украинцы — 8,2 %, белорусы — 0,9 %. При этом специально отмечается, что русские сформировались здесь в значительной степени из обрусевших украинцев и белорусов.

Оторванные от мест своего компактного проживания украинцы и белорусы, хотя и сохраняли достаточно долго свой язык, черты бытовой культуры, в условиях Сибири и Дальнего Востока, оказавшись рассеяны (хотя и проживая отдельными поселениями) среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов и коренных сибирских и дальневосточных народов, были более восприимчивы к культурным заимствованиям. Отсутствие постоянных контактов с местами выхода, непривычная природная среда, условия хозяйственной деятельности, смешанный состав городского населения, разнородный этнический состав рабочих на золотых приисках и стройках стимулировали процессы единения в «большую русскую нацию». В отличие от Европейской России, где формирование украинской и белорусской наций вызвали политические опасения и грозили сепаратистскими настроениями, в Азиатской России процессы стихийного культурного единения преобладали, что вполне устраивало местную администрацию. И как следствие в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало индифферентное отношение к культурным различиям между великороссами, украинцами и белорусами, их поглощение русской нацией представлялось делом времени.

Однако в Сибири и на Дальнем Востоке для имперской политики вставала новая угроза (реальная или призрачная) — формирование у местного населения чувства территориальной обособленности и осознания своей непохожести и экономической ущемленности в отношениях между центром и окраинами. Процесс формирования «большой русской нации» осложнялся не только сохранением этнической и локальной (по месту выхода в Сибирь и на Дальний Восток) идентичностей, но и выстраиванием иной территориальной сибирской и дальневосточной идентичности. В правительственных и общественных кругах центра страны, подогреваемая националистически настроенной публицистикой, возникла фобия сибирского сепаратизма.

Мало было заселить край желательными для русской государственности колонистами, важно было укрепить имперское единство культурными скрепами. Вытаскиваемый из Европейской России за Урал земельной теснотой и нищетой переселенец уносил с собой сложные чувства грусти по покинутым местам и откровенную неприязнь к царившим на утраченной родине порядкам. Многим наблюдателям, посещавшим Сибирь и Дальний Восток, бросалась в глаза непохожесть местного русского населения на то, которое они привыкли видеть в европейской части страны. Существовало опасение, что, попав под влияние иностранцев и инородцев, переселяющиеся в край русские люди утратят привычные национальные черты, отдалятся от своей родины и потеряют чувства верноподданности. Как считалось многими, оторвавшись от привычной ему социокультурной среды, русский человек легко поддается чужому влиянию. Об объёжничивании русских упоминал писатель И. А. Гончаров, об этом же твердили в своих записках и многие местные чиновники. Так, приморский военный губернатор П. В. Казакевич указывал, что такое воздействие оказывают не только якуты, но и камчадалы, среди которых всего за десять лет русские переселенцы «усвоили себе все их привычки и образ жизни, а потомки наших первых поселенцев в Гижиге, Охотске, Удске совершенно почти даже утратили тип русский». Схожее явление наблюдалось и в Забайкалье, где сибиряки, смешиваясь с бурятами, нередко утрачивали даже свой первоначальный антропологический тип. Пугало то, что «обынородничанье» русских порождало новую этнокультурную и конфессиональную ситуацию, когда «обрядовая набожность русского населения заменилась чисто языческим суеверием, частью заимствованным от инородцев, частью навеянным на них новою неизвестною до тех пор жизнью». Это не могло не беспокоить власти, озабоченные насаждением русского элемента в крае.

Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от «старой» России и восстановить в «новой» России знакомые и понятные властям черты русского человека, необходимо было заняться целенаправленной культуртрегерской политикой, ведущая роль в которой отводилась школе и

православной церкви. Вернувшись из двух поездок по Сибири (1896 и 1897 гг.) управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А. Н. Куломзин утверждал, что, «если мы не примемся за насаждение в Сибири народного образования, в основу его не положим идею сближения этой обширнейшей нашей колонии с метрополией путем расширения в школе родиноведения, если мощною рукою не примемся за объединение Сибири с Европейскою Россиею, то нам грозит в близком будущем великое бедствие. Отчужденность от России, некоторая огрубелость, холодная рассудительность, преобладание индивидуальных интересов над общественными — вот отличительные черты коренного сибиряка простолюдина. К тому же, полное отсутствие каких-либо исторических преданий, традиций, верований и симпатий. История Сибири слагается из целого ряда массовых ссылок, потому в ней для сибиряка нет ничего, говорящего его сердцу; но он забыл и тот родной угол Европейской России, откуда вышел его род». Поэтому не следует жалеть денег на школы и православные церкви, чтобы не дать сибиряку, — доказывал он, — «дичать». Куломзина не мог не беспокоить вопрос: представит ли переселяемое за Урал население «мощную силу, способную отстоять славу России?», серьезно опасаясь при этом, «что в более или менее отдаленном будущем, вся страна по ту сторону Енисея неизбежно образует особое отдельное от России государство». И эта пугающая перспектива постоянно стояла «каким то кошмаром» перед его мысленным взором. Впрочем, другой наблюдатель, Фритъоф Нансен, рассуждая о сибирском сепаратизме, скептически оценивал возможности его реализации. Напротив, утверждал он, сибиряки — это не ирландцы, добывающиеся гомруля, они никогда не забудут того, что они русские и будут всегда противопоставлять себя азиатским народностям. Отвергал Нансен и опасение, что азиатские владения Российской империи вытягивают лучшие силы из центра страны, понижая тем самым ее экономический и культурный уровень. В отличие от испанских, португальских и британских колоний, Сибирь представляет, по его мнению, «в сущности естественное продолжение России и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян».

Помимо культурное воздействия, необходимо было экономически интегрировать Сибирь и Дальний Восток в Россию. Сибирская железная дорога должна была стальной полосой притянуть Сибирь к Европейской России, дать мощный импульс переселенческому движению. В связи с поездкой в Сибирь в 1910 г. П. А. Столыпина бывший чиновник Комитета Сибирской железной дороги И. И. Тхоржевский с удовлетворением отмечал: «По обе стороны Урала тянулась, конечно, одна и та же Россия, только в разные периоды ее заселения, как бы в разные геологические эпохи. Впрочем, Западная Сибирь уже заметно сближалась с востоком Европейской России». А. В. Кривошеин, человек, который был идеологом и практиком

столыпинской переселенческой политики, «министр Азиатской России», как его называли, целенаправленно стремился превратить Сибирь «из придатка исторической России в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России».

Хотя Российская империя, а затем и СССР рухнули, однако, отмечает Доменик Ливен, новой России удалось вобрать в себя и поглотить в своем «материнском лоне» жемчужину своей имперской короны — Сибирь, и, благодаря этому, остаться великой державой (чего не удалось ни Турции, ни Австрии, ни даже Англии и Франции). Хотя, добавляет он, получи сибиряки свободу и представительные региональные институты, вокруг которых бы фокусировался региональный патриотизм, они могли бы выработать самостоятельную идентичность, имевшую возможность подобно Австралии или Канаде перерасти в независимое государство-нацию.